

РОМАНЫ О СИЛЬНЫХ ЧУВСТВАХ

Читайте романы

Л А Й З Ы

Д Ж У Э Л Л



ТРЕТЬЯ ЖЕНА

ДОМ НА УЛИЦЕ
МЕЧТЫ

ВИНС И ДЖОЙ

ХОЛОДНЫЕ
СЕРДЦА

СЛОВА, ИЗ КОТОРЫХ
МЫ СОТКАНЫ

ДЕНЬ, КОГДА
Я ТЕБЯ НАЙДУ

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА

Л А Й З А
Д Ж У Э Л Л

*И тогда
она
исчезла*



Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Lisa Jewell
THEN SHE WAS GONE

Copyright © 2017 by Lisa Jewell.
This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency.

Перевод с английского А. Осипова

Художественное оформление П. Петрова

Д42 **Джуэлл, Лайза.** И тогда она исчезла : [роман] / Лайза Джуэлл ; [пер. с англ. А. Осипова]. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 384 с. – (Лайза Джуэлл. Романы о сильных чувствах).

ISBN 978-5-04-093445-4

Ей было пятнадцать. Умница. Любимая дочь. Перед ней были открыты все двери, и целая жизнь, казалось, ждет впереди.

Но потом Элли исчезла.

Спустя десять лет Лорел все еще пытается разыскать дочь. Ее поиски приобретают новый смысл после двух неожиданных встреч.

Первая – с мужчиной. Он красив, харизматичен, но один лишь его взгляд бросает Лорел в дрожь.

Вторая – с ребенком. Девятилетней девочкой, которую Лорел едва не приняла за призрака. Точной копией пропавшей Элли.

Но как это возможно?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-093445-4

© Осипов А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Посвящается Лор

ПРОЛОГ

Несколько месяцев до того, как она исчезла, и вправду были лучшими. Каждый момент был ей подарком и словно говорил: «Я здесь, твой самый прекрасный миг. Просто смотри и наслаждайся. Видишь, сколь я чудесен». Каждое утро было наполнено трепетным волнением и шквалом чувств. Бабочки порхали у нее в животе. Ускорялся пульс, и сердце стучало сильнее. И, наконец, наступал цветущий миг, когда, приближаясь к школьным воротам, она находила глазами *его*. Школа теперь была не клеткой, но многолюдной, залитой ярким светом съемочной площадкой для ее любовного романа.

Элли Мэк не могла поверить, что Тео Гудмен захотел встречаться с ней. В одиннадцатом классе Тео, без сомнения, выглядел лучше всех мальчиков. Он выглядел лучше всех и в десятом классе, и в девятом, и даже в восьмом. Но только не в седьмом, нет. Никто из семиклассников не казался привлекательным. Все они были пучеглазыми малышами в огромных ботинках и широченных блейзерах.

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ



У Тео никогда не было подруги, и все думали, что он, должно быть, гей. Он был довольно симпатичным и очень худым. И вообще классным. Элли мечтала провести с ним долгие годы, и ей было все равно, гей он или нет.

Она была бы рада просто дружить с ним. В школу его каждый день сопровождала молодая симпатичная мама. Всегда в спортивном тренировочном костюме, с собранными в конский хвост волосами, она шагала рядом с сыном, и обычно за ней бежала маленькая белая собачка. У школы Тео каждый раз поднимал песика, целовал его в щеку и бережно опускал на тротуар. Потом целовал маму и неторопливо проходил через ворота. Ему было все равно, видит его кто-нибудь или нет. Его не смущали ни те нежности, какие он проявлял к собачке, похожей на пуховку для пудры, ни те, какие предназначались маме. Он был *уверен в себе*.

Но год назад — сразу после летних каникул — в один прекрасный солнечный день Тео заговорил с Элли. Запросто. Во время ланча. Спросил что-то о домашнем задании.

У Элли был не очень большой жизненный опыт, но она сразу поняла, что он не гей, а разговор начал потому, что она ему нравится. Это было очевидно. А потом само собой получилось так, что они стали парой. Раньше она думала, что все будет гораздо сложнее.

Но один неверный шаг, одна крошечная петелька на нити времени — и все пропало. Не только любовь, но абсолютно все. Молодость. Жизнь. Да и сама Элли Мэк. Все ушло. Навсегда.

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА



О, если бы можно было заново смотать, как пряжу в клубок, ту нить времени! Элли расправила бы петельку, заметила узелки и поняла, что они — предупреждающие знаки. Конечно, при взгляде в прошлое все становится очевидным. Но тогда, в том самом прошлом, она почти совсем не разобралась в жизни и не могла понять, какое будущее ее ждет. Она шла прямо к нему, не ожидая ничего плохого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



– 1 –

Открыв дверь своим ключом, Лорел вошла в квартиру дочери. Внутри было темно и мрачно, хотя день выдался довольно ярким. Окно в сад закрывали переплетенные, как паутина, стебли глицинии, а другую сторону квартиры почти полностью затенял маленький лесок, наступавший прямо на дом.

Покупка этой квартиры была импульсивным поступком. Ханна только что получила первую в жизни премию и хотела превратить ее во что-то материальное, прежде чем деньги успеют испариться. Когда она смотрела квартиру, та была наполнена красивыми вещами. Но предыдущие владельцы уехали, забрав всю обстановку. А у Ханны совсем не было времени на покупку мебели, и ее квартира была похожа на жилище то ли разведенки, то ли человека с минимумом потребительских желаний. Такого, кто довольствуется малым и не больно заботится о благоустройстве и процветании своего дома. Как видно, квартира была для Ханны не больше, чем просто хорошим го-

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА



стиничным номером — потому-то она и не возражала, что в ее отсутствие мать приходит делать уборку.

Через прихожую с выцветшими обоями Лорел прошла, как обычно, прямо в кухню и достала из-под раковины средства для уборки. Похоже, Ханна не ночевала дома. На столе ни одной молочной брызги. В раковине нет миски с остатками мюслей со сливами. На подоконнике не валяется полуоткрытый тюбик с тушью и не стоит увеличительное косметическое зеркало. Ледяной холод пронизал позвоночник Лорел. По вечерам Ханна всегда возвращалась домой. Ей просто больше некуда было идти. Лорел кинулась к своей сумочке и лихорадочно вытащила телефон. Дрожащими пальцами набрала номер Ханны и пошатнулась, когда вызов перешел на голосовую почту. Такое бывало только, когда Ханна работала. Телефон выпал из рук Лорел, угодил на край ее туфли и только потому не разбился.

— Дерьмо, — прошипела она едва слышно, подняв трубку и слепо уставившись на нее. — Вот дерьмо.

Лорел некому было звонить, некого спросить: *«Ты не видел Ханну? Не знаешь, где она?»* Так уж сложилась жизнь. Почти совсем нет ни родных, ни знакомых. Лишь тут и там крохотные островки незатейливой жизни.

Но может быть и так, что Ханна встретила мужчину. Хотя вряд ли. У нее не было парня. Ни одного. Никогда. Давным-давно один знакомый выдвинул теорию, что, если у Ханны появится парень, она будет чувствовать слишком большую вину перед своей младшей сестрой — ведь у той такого никогда не будет. Та же самая теория объясняет, почему Ханна



ведет столь жалкую, едва заметную общественную жизнь.

Тут сознание Лорел как бы раздвоилось: она слишком остро реагирует на все, что касается дочери — и в то же время вовсе не слишком остро. Когда твой ребенок однажды утром выходит из дома с рюкзаком, набитым книгами, чтобы потрудиться в библиотеке, до которой идти-то всего пятнадцать минут, и не возвращается домой, то нет такой вещи, как «ты слишком остро реагируешь». И если в кухне Ханны нет в раковине миски с остатками мюслей, а Лорел уже представляет, как ее взрослая дочь лежит мертвая где-то в канаве, — то этот страх обоснован жизненным опытом Лорел.

Она ввела имя компании Ханны в поисковик и нажала ссылку с номером телефона. Робот перевел ее звонок на добавочный номер Ханны, и Лорел затаила дыхание.

— Алло. Говорит Ханна Мэк.

Вот и голос дочери! Одновременно бесцеремонный и бесхарактерный.

Лорел ничего не сказала. Только коснулась кнопки отмены вызова и бросила телефон в сумку. Затем открыла посудомоечную машину Ханны и начала ее разгружать.

— 2 —

Какой была жизнь Лорел десять лет назад, когда у нее было трое детей, а не двое? Просыпалась ли она каждое утро, наполненная радостью бытия? Нет. Нет.

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА



И нет. Лорел была одной из тех, кто всегда считает, что «стакан наполовину пуст». Она находила на что пожаловаться, даже при приятнейшем развитии событий, и могла свести радость от хороших новостей в краткий миг, а за ним шло новое тягостное беспокойство.

Каждое утро она считала, что плохо спала, даже если на самом деле сон был хорошим. Она волновалась, что у нее много жира на животе, что волосы чересчур длинные или слишком короткие, что дом у нее огромный или, напротив, крошечный. Что на ее банковском счете совсем мало денег, а муж обленился до предела. Что дети ведут себя слишком шумно или подозрительно тихо, что совсем скоро они уедут из дома или вообще никогда не покинут дом, а останутся в нем навсегда.

Не успев проснуться, Лорел тут же замечала, что ее черная юбка, которую она повесила на спинку стула в спальне, покрыта белой кошачьей шерстью.

Что опять потерялась тапка, а у Ханны мешки под глазами.

Что сваленные в кучу вещи почти месяц ждут, когда же их отнесут в химчистку на соседней улице.

Что в прихожей порвались обои.

Что на подбородке достигшего половой зрелости Джейка жутко противный пушок.

Что корм залежался в кошачьей мисочке и начал пахнуть, а мусор, кажется, никто и не думает выносить — до чего же все ленивы, просто утрамбовывают отходы в ведре!

И ведь никто не хочет убирать квартиру, сваливая работы по дому на Лорел, — домочадцы знай себе



утыкаются носами в плоский телевизор, не обращая внимания ни на что другое.

Именно так Лорел воспринимала свою идеальную жизнь: как вереницу неприятных запахов и невыполненных обязанностей, пустячных забот и просроченных счетов.

И вот однажды утром ее дочка, ее Золотая девочка, ее младшенькая, ее кровиночка, ее вторая половинка, ее гордость и радость покинула дом и не вернулась.

И что Лорел чувствовала в те первые мучительно текущие часы? Что наполняло ее мозг, ее сердце, заменяя все мелкие проблемы? Ужас. Отчаяние. Мука. Смятение. Горе. Страх. Разбитое сердце. Все, что можно выразить этими самыми драматичными словами, но даже их было недостаточно, чтобы описать ее жуткое состояние.

— Она у Тео, — сказал Пол. — Почему бы тебе не позвонить его маме?

Но Лорел уже поняла, что дочь не заходила к Тео — ведь ее последний разговор с мамой был таким:

— Я вернусь как раз к ланчу. Лазанья осталась?

— Ровно одна порция.

— Не дай Ханне добраться до нее! Или Джейку! Обещай!

— Обещаю.

Потом раздался щелчок входной двери, означающий, что в доме стало на одного человека меньше. На того, кто мог бы зарядить посудомоечную машину, или позвонить по телефону, или отнести *Лемсил* — лекарство от простуды — наверх, простуженному Полу.

И ТОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА



Все эти вещи раньше казались Лорел самыми надоедливými в жизни.

— Пол простудился.

Скольким людям Лорел сказала это вчера и позавчера? Устало вздыхала, закатывала глаза: «Пол простудился».

Такова моя ноша. Моя жизнь. Пожалейте меня.

Но маме Тео Лорел все же позвонила.

— Нет, — сказала Бекки Гудмен, — ее у нас нет. Очень жаль. Тео толчется здесь целый день, и мы вообще ничего не слышали об Элли. Дайте мне знать, если я могу что-то для вас сделать...

К тому времени, когда день начал клониться к вечеру, Лорел успела обзвонить всех друзей Элли и зайти в библиотеку. Там дали просмотреть видеозаписи камер наблюдения — Лорел убедилась, что Элли сегодня не заходила. Когда солнце село и дом погрузился в прохладную темноту, разрываемóую каждые несколько минут беззвучными голубыми вспышками далекой грозы, Лорел, наконец, уступила изводящему страху, который рос внутри нее весь день, и вызвала полицию.

Тогда-то Лорел в первый раз возненавидела Пола. В халате, босой, пахнувший простынями и соплями, он без конца фыркал и сморкался. Из его ноздрей вырывалось ужасное бульканье, изо рта — тяжелое дыхание, похожее на предсмертные муки страшного чудища. Все это ударяло по сверхчувствительным ушам Лорел.

— Оденься, — велела она. — Прощу тебя.

Он согласился, словно запуганный ребенок, и через несколько минут спустился, одетый в светлую